

«ПУШКИНСКОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ НЕКРАСОВА

История отношения Некрасова к наследию Пушкина, к его поэтике и поэтической традиции занимала исследователей давно¹. Один из ее аспектов — поиски «пушкинского» у Некрасова. И эта проблема имеет свой резон. Попытка взглянуть на творчество большого поэта под таким углом зрения глубже раскрывает его художественный мир. Изучение пушкинских реалий, реминисценций, по-пушкински звучащих строк обнаруживает, что обращение Некрасова к Пушкину оказывается неизменно связанным с его творческим самоопределением и поэтическим мироощущением. Остановимся лишь на некоторых эпизодах и наблюдениях, связанных с этой темой.

Пушкин прочно и навсегда вошел в эстетическое сознание молодого Некрасова, опубликовавшего свое первое стихотворение «Мысль» в «Сыне отечества» год спустя после смерти поэта. Его первая книга стихотворений «Мечты и звуки» (1840) при всей своей художественной беспомощности густо насыщена реминисценциями, парафразами, эпиграфами из Пушкина. Здесь легко выявляется прямое подражание пушкинской поэтической форме, которое, впрочем, вполне уживается с ориентацией на Жуковского или Бенедиктова.

Так, строки из стихотворения Некрасова «Разговор» (сборник «Мечты и звуки»):

*Есть упоенье в сне мятежном,
В похвальных отзывах толпы,
В труде, в недуге неизбежном,
В грозе и милости судьбы;
Есть упоенье в вихре танца,
В игре, обеде и вине²*

¹ См.: Шимкевич К. Пушкин и Некрасов//Пушкин в мировой литературе. — Л., 1926. — С. 313—344; Гиппиус В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века//Литературное наследство. — М., 1946. — Т. 49—50. — С. 1—46; Чуковский К. Мастерство Некрасова. — М., 1952. — С. 7—72; Гаркави А. М. Пушкинская традиция в поэме Некрасова «Несчастные»//О Некрасове: Статьи и материалы. — Ярославль, 1975. Вып. IV. — С. 91—108; Скатов Н. Н. «Пушкинское» стихотворение Некрасова («Элегия»)//Там же. — С. 109—115; Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература. — Л., 1987. — С. 109—144 и др.

² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15-ти т. — Л., 1981. — Т. 1. — С. 269. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

ассоциируются с отрывком из «Пира во время чумы» Пушкина и восходят к нему:

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы*³.

Другие строки из «Разговора»:

*Люблю житейское волнение,
И чинный бал, и гул глухой
На беспорядочной пирушке,
Люблю повздорить со старушкой,
Затеять дружбу с молодой*
(I, 267—268).

представляют собой парафразу из пушкинского стихотворения «Поэт и толпа» (1828). В стихотворении «Моя судьба» (из того же сборника Некрасова) строка: «Презря и суд глупца и хохот черни дикой...» (I, 193) является реминисценцией из пушкинского стихотворения «Поэту» (1830) («Поэт! не дорожи любовью народной...»). Примечательно, что уже молодой Некрасов обращается преимущественно к пушкинским стихам о поэте и поэзии и чаще всего к стихотворению «Поэт и толпа».

В творчестве зрелого художника, создавшего свою поэтическую систему (равно как и в его прозе и критике), Пушкин не только неизменно присутствует, но и творчески осмысливается, и ассимилируется, и продолжается. Пушкинская тональность, его поэтическая атмосфера ощутимы в одной из лучших поэм Некрасова — «Тишина» (1856—1857). Строки из нее: «Храм воздыханья, храм печали...», «Бог угнетенных, Бог скорбящих//Бог поколений предстоящих» (IV, 52) ассоциируются с пушкинскими поэтическими образами, восходят к ним. Не случайно Ап. Григорьев, истолковывая поэму в почвенническом духе, связывал ее с традицией Пушкина⁴.

Пушкин оживает в поэмах «Русские женщины» («Княгиня М. Н. Волконская», 1872), «Несчастные» (1856), в стихотворениях «Муза» (1852), «Давно — отвергнутый тобою...» (1855), которым Тургенев дал самую высокую оценку: «пушкинская фактура», «пушкински хороши»⁵. Существенно, что в поэме «Княгиня М. Н. Волконская» Некрасов — историк обращается не только к близкой

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. — М., 1975. — Т. 4. — С. 326. Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ См.: Григорьев Ап. Стихотворения Н. Некрасова//Время. 1862. № 7. Отд. II. — С. 39; также: Литературная критика. — М., 1967. — С. 485—486.

⁵ См. письма И. С. Тургенева к Некрасову от 23 ноября 1852 г. и 10 июля 1855 г. — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. — М.; Л., 1961. — Т. 1. — С. 88, 295.

ему декабристской теме у Пушкина, к Пушкину — автору «Истории Пугачева». Опираясь на авторитетные источники (в том числе «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова, составившие первый том анненковского издания сочинений поэта (СПб., 1855), где были опубликованы письмо Пушкина к брату Льву Сергеевичу из Кишинева от 24 сентября 1820 г. и «Отрывок из письма к Д*», написанный поэтом в 1824 г. специально для альманаха А. А. Дельвига «Северные цветы»; статья П. И. Бартенева «Пушкин в Южной России», опубликованная в «Русском архиве» за 1866 г.; составленный самим Некрасовым конспект «Записок Марии Николаевны Волконской», прочитанных и переведенных ему сыном мемуаристки М. С. Волконским весной 1872 г.), Некрасов художественно воспроизвел один из ярких эпизодов биографии и поэтической судьбы Пушкина: путешествие в Крым летом 1820 года. При этом и в «Княгине М. Н. Волконской» звучит постоянно занимавшая Некрасова пушкинская тема поэта и поэзии. Свидетельство тому — следующие строки из поэмы:

*Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...*
(IV, 167).

Поиски параллелей, ассоциаций, реминисценций из Пушкина к стихотворениям Некрасова можно было бы продолжить. Не следует недооценивать их формирующую роль в творчестве поэта, у которого по существу нет случайных пушкинских реалий. Все «пушкинское» входит в его поэзию органически, хотя порой оно же служит и предметом полемики.

В научной литературе уже отмечалась характерная особенность: Некрасов чаще всего обращается к «пушкинизмам» и с целью опоры на пушкинскую традицию, и тогда, когда вступает в творческий спор с поэтом. Напомним в связи с этим его известное стихотворение «Элегия» (1874) и афористичные строки из «Железной дороги» (1865): «Или для вас Аполлон Бельведерский//Хуже печного горшка?» (II, 171), представляющие собой перефразированную пушкинскую строку из «Поэта и толпы».

Столь же заинтересованное отношение к пушкинскому наследию нашло отражение и в литературной критике Некрасова, непосредственно связанной с процессом становления его как поэта. Так, пушкинская тема доминирует в лучших некрасовских статьях: «Русские второстепенные поэты» (1849) и «Заметки о журналах» 1855—1856 гг. Причем знаменательно, что сказанное здесь о Пушкине-поэте и литературном деятеле, издателе «Современника», соотносится с размышлениями автора о собственной судьбе художника, о путях развития русской поэзии, русской литературы. Осенью 1855 г. во время напряженной работы над «Поэтом и граж-

данином» («пишу длинные стишищи»⁶), обращаясь к молодым литераторам, Некрасов писал о Пушкине в высоких библейских тонах: «...поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если бог дал вам талант, идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!» (XI, кн. 2, 214). Подчеркнутые в «Заметках о журналах за ноябрь 1855 года» слова «идите по следам Пушкина» — перефразированная цитата из Библии: «Вслед Господа пойдут они» (Книга пророка Осии, гл. 11. 10). Разумеется, поэт призывал не к подражанию, а к высокому служению искусству, напоминая о подлинной творческой преемственности, на которой и зиждется русская духовная культура. Не исключено также, что в этом обращении к Пушкину содержится и предостережение от излишнего утилитаризма, способного захлестнуть современную поэзию.

Заметим, пушкинская тема в критике Некрасова настойчиво звучит в период возникновения полемики по поводу «пушкинского» и «гоголевского» направлений в литературе. Ее участником стал и сам поэт, писавший Тургеневу о Гоголе 12 августа 1855 г.: «...надо желать, чтоб по стопам его шли молодые писатели в России»⁷. Оба суждения ни в коей мере не противоречили друг другу. Некрасов в числе немногих литераторов (к ним относился и Тургенев) предугадал будущее развитие литературы, увидев в творчестве этих писателей огромные развивающиеся явления.

Откликом на эти же, ставшие злободневными общественно-литературные споры, с мнимой по сути коллизией Пушкин — Гоголь, явилось и его стихотворение «Поэт и гражданин» (1855—1856). Им в качестве предисловия открывался сборник Стихотворений 1856 года. Невольно напрашивается аналогия. «Разговор книгопродавца с поэтом», завершённый в августе — сентябре 1824 г. и имевший для Пушкина программный характер, был напечатан при первой главе «Евгения Онегина», составляя как бы вступление к роману. Это объяснялось в примечании Анненкова к стихотворению во втором томе Сочинений Пушкина (СПб., 1855, с. 380) и не осталось незамеченным Некрасовым. Ведь в «Разговоре книгопродавца с поэтом» речь шла о месте поэта в текущей современности, о его профессиональном назначении.

Уже в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года», написанных по поводу издания Анненкова, содержится одно из центральных положений стихотворения «Поэт и гражданин»: о Пушкине здесь говорится как о поэте-художнике и как о живом явлении современной литературы. (Что, кстати, выгодно отличает

⁶ Некрасов сообщал об этом И. С. Тургеневу в письме от 27 июня 1856 г. Некоторые фрагменты стихотворения создавались раньше, в 1855 г. — См. комментарий А. М. Гаркави к «Поэту и гражданину» (II, 334).

⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12-ти т. — М., 1952. — Т. 10. — С. 233.

Некрасова от Чернышевского, суждения которого о Пушкине были и суше и тенденциознее). Эта мысль раскрывается и в стихотворении Некрасова. Известно, что в нем процитированы строки из пушкинского стихотворения «Поэт и толпа» (первоначальное название «Чернь»), ставшие в 1850—1860-е гг. одиозными:

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*
(2, 167).

Они кочуют из статьи в статью почти всех литераторов, начиная с Гоголя, до Дружинина, до Писарева. Некрасов цитирует их так же, как это делали его современники, преднамеренно отрывая стихи от контекста и превращая их в клише. А ведь у Пушкина этим строкам предшествовали другие, в которых звучала мысль о высоком служении поэта, о поэте-жреце, провозвестнике будущего:

*Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенья,
Жрецы ль у вас метлу берут?*
(2, 167).

Поэт в некрасовском стихотворении восхищается отрывком из Пушкина, восхищается им и Гражданин:

*Да, звуки чудные... ура!
И я восторг твой разделяю...*
(II, 7).

В этих словах Гражданина нет и тени иронии. Далее он переходит к современности и к творчеству своего собеседника: «Но, признаюсь, твои стихи//Живее к сердцу принимаю» (II, 7).

В исследовательской литературе высказывалось содержательное наблюдение, углубляющее диалогическую природу стихотворения Некрасова. Принадлежит оно Ю. В. Манну, проницательно заметившему, что следующее обращение Гражданина: «А ты, поэт! избранник неба» — адресовано другому, пушкинскому Поэту из стихотворения «Поэт и толпа»⁸. По смыслу и стилю это обращение Гражданина почти полностью воспроизводит пушкинские строки («Нет, если ты небес избранник» — II, 167), слегка перефразированные Некрасовым. Приведем отрывок из «Поэта и гражданина», чтобы явственнее ощутить в нем «пушкинское»:

*А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;*

⁸ См.: Манн Ю. В. Некрасов в борьбе за Пушкина//Искусство слова. Сб. статей. — М., 1973. — С. 188—189.

*Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!*
(II, 9).

Тема поэта звучит здесь в высокой пушкинской тональности, хотя Гражданин, по существу, спорит с пушкинским поэтом. При этом Некрасов отталкивается от текста и стилистики стихотворения «Поэт и толпа», используя музыку пушкинского стиха, его лексику, насыщая ее новым эмоциональным содержанием. Приведенные строки — пример того, как Некрасов «берет» у Пушкина свое. Сравним у Пушкина (обращение поэта к толпе):

*В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!*
(2, 167).

И слова Гражданина, обращенные к пушкинскому поэту, у Некрасова:

*Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей*
(II, 9).

Так Некрасов и полемизирует с пушкинским поэтом, при этом ни в коей мере не отождествляя его с автором, и придает стихотворению Пушкина новый современный смысл. Призыв, которым заканчивается приведенная строфа:

*...служба искусству
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви*
(II, 9).

адресован и пушкинскому, и тому идеальному будущему поэту, который должен прийти на смену Пушкину, продолжив его традиции. Не случайно в «Поэте и гражданине» много реминисценций не только из «Поэта и толпы», но и из заключительных стихов «Памятника», известного Некрасову в редакции Жуковского.

Разъяснение эстетической концепции «Поэта и гражданина» в известной мере содержится в одном из писем Некрасова к В. П. Боткину (от 16 сентября 1855 г.), написанном по поводу критики А. В. Дружининым неодидактического направления в литературе. Вот что писал поэт в защиту последователей Гоголя: «Дарования всегда разделялись и будут разделяться на два рода: одни колоссы, рисующие человека так, что рисунок делается понятен и удивителен каждому без отношения к месту и времени (таковы Шекспир, пожалуй отчасти наш Пушкин и т. под.), другие: которые не могут иначе понять и изображать человека, как в данной обстановке и т. д. <...> Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и,

между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда все выйдет ладно: станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу — послужишь и искусству... Эту теорию оправдали многие великие мира сего и оправдывают лучшие теперешние писатели Англии и России»⁹. Большинство, по мысли Некрасова, это рядовые художники, озабоченные сиюминутной злобой дня. Честно служа обществу, они приносят пользу искусству. Гении, возвышающиеся над временем, будучи верными себе, служа искусству, служат и обществу.

Спустя четыре года эту мысль повторяет Н. А. Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве» (1860). По его убеждению, гениальные писатели (к ним критик относит Шекспира), «...служа полнейшими представителями высшей степени человеческого сознания в известную эпоху и с этой высоты обозревая жизнь людей и природы и рисуя ее перед нами <...> возвышались над служебной ролью литературы и становились в ряд исторических деятелей <...> Таков был Шекспир. <...> Что же касается до обыкновенных талантов, то для них именно остается <...> служебная роль»¹⁰.

Вот почему обыкновенному поэту, не Пушкину, Гражданин предлагает и темы, и программу поведения. Поэту, «глашатаю истин вековых», никакие предписания невозможны: он «сам свой высший суд». Некрасову близка мысль Пушкина: подлинный художник творит по законам, им самим созданным. Важно и другое. В свете некрасовской концепции свободы творчества, изложенной в стихотворении «Поэт и гражданин» (в нем речь идет и об этом) становится понятным, почему известные пушкинские строки «не для житейского волнения, не для корысти, не для битв...» восхищают и некрасовского Поэта и Гражданина.

В «Поэте и гражданине» ярко выражен литературный подтекст, стихотворение многогололо и словно преднамеренно противоречиво. В нем несколько поэтов, в том числе тот, не Пушкин, к которому Гражданин обращается с парадоксальным лозунгом:

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан*
(II, 10),

провозглашенным с явно полемической целью. Так же скрытно назван здесь и Гоголь. Напомним слова Гражданина: «Проснись: громи пороки смело...» и ответ Поэта: «А! знаю: «Вишь куда метнул!»» (II, 6). «Вишь куда метнул!» — почти дословная цитата из «Ревизора» (действие 2, явл. 8) как намек на «гоголевское» направление.

Оставляя в стороне всю сложную проблематику этого стихотворения, сразу же вызвавшего полемику и разноречивые откли-

⁹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12-ти т. — М., 1952. — Т. X. — С. 247.

¹⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3-х т. — М., 1952. — Т. 3. — С. 171.

ки, отметим лишь некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к нашей теме.

Современники безошибочно уловили в «Поэте и гражданине» «пушкинское». Герцен, в частности, писал Тургеневу (11 января 1857 г.) об этом стихотворении, пронизательно назвав его «статьей»: «Первая статья — сумбур какой-то, неоригинальный, а пушкино-гете-лермонтовский, а как-то Некрасову вовсе не идет слова Муза, Парнас — где это у него классическая традиция? Да и что за чин «поэт»...»¹¹. Эта злая, но очень емкая оценка чаще всего опускается некрасоведами. А между тем в ее негативности содержится и положительное. Отказав Некрасову в «классической традиции», Герцен тем не менее по существу четко обозначил литературную генеалогию «Поэта и гражданина», поставив это стихотворение в ряду классических: «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина, «Пролог в театре» в «Фаусте» Гете, «Журналист, читатель и писатель» Лермонтова. Все три произведения близки по жанру и сущности; вовсе не сводятся только к эстетическим декларациям, но вбирают в себя вечные проблемы, мучительные раздумья о высоком назначении поэзии, призвании и самоутверждении поэта. И все-таки ассоциация с Пушкиным у Герцена на первом месте.

Приведем еще один отзыв, литературный, имеющий косвенное отношение к «пушкинскому» в стихотворении Некрасова. В романе «Отцы и дети» (1862) Базаров в разговоре с Аркадием Кирсановым упоминает Пушкина, высказывая при этом одно из своих насмешливых суждений о нем: «Кстати, он, должно быть в военной службе служил <...> — Помилуй, у него на каждой странице: На бой, на бой! за честь России!»¹².

Комментаторы обычно сопоставляют этот эпизод с характеристикой поэзии Пушкина, данной Николаем Успенским в 1861 г. Тургенев сообщал по этому поводу Анненкову (в письме от 7(19) января 1861 г. из Парижа): «На днях здесь проехал человек ненавидец Успенский (Николай) и обедал у меня. И он счел долгом бранить Пушкина, уверяя, что Пушкин во всех своих стихотворениях только и делал, что кричал: «на бой, на бой за святую Русь»¹³. Последние слова, так же как и базаровские «На бой, на бой! за честь России!» перекликаются с известным призывом Гражданина в стихотворении Некрасова, даже вбирают в себя его музыкальный строй. Напомним некрасовскую строфу:

*Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.*

¹¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. — М., 1962. — Т. 26. — С. 69.

¹² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. — М.; Л., 1964. — Т. 8. — С. 325—326.

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. — М.; Л., 1962. — Т. IV. — С. 182.

*Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...*
(II, 9).

Разумеется, и в романе Тургенева, и в отклике Н. Успенского восприятие Пушкина (нарочито пародийное, перевернутое наизнанку) дано как бы сквозь призму некрасовского стихотворения, да еще прочтенного в иную эпоху глазами «нигилистов»-шестидесятников. Кроме того в пародийно-абсурдной оценке Пушкина в «Отцах и детях» явственно ощутима и контаминация строк не только из «Поэта и гражданина», но и «Бородинской годовщины», «Клеветникам России» и даже «Полтавы». Но это уже самостоятельная проблема, связанная с освоением художественного опыта Пушкина не только Некрасовым.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991